

ПЛЕННИЦА МОЕЙ МЕЧТЫ

Владимир Водолей

18+

Владимир Водолей

Пленница моей мечты

«Автор»

2026

Водолей В.

Пленница моей мечты / В. Водолей — «Автор», 2026

Дизельная подлодка, холодная война, боевая служба. Авария — затопленный пятый отсек, лодка на грунте на глубине сорока пяти метров. Экипаж ушёл, а молодой матрос остался один в торпедном: не хватило снаряжения. Ни связи, ни света — только темнота, холод и затопленная торпеда, готовая рвануть в любой момент. Брезентовый мешок, проволочная спираль, банки регенерации и камера от волейбольного мяча — вот всё, из чего придётся строить свой шанс. А когда на лодку спускаются чужие водолазы, игра усложняется: теперь нужно не просто выжить, но и перехитрить тех, кто пришёл за секретами. Жестокая, честная и местами смешная история военного моряка — про мужество и безалаберность, верность долгу и цену жизни, про мать, которая молится у ворот, и девушку, что ждёт на берегу. Про пленницу мечты, что осталась на дне вместе с лодкой.

© Водолей В., 2026

© Автор, 2026

Владимир Водолей

Пленница моей мечты

С фильмом «Кавказская пленница» связаны воспоминания молодости, а познакомиться с Натальей Варлей я мечтал долгое время. Однако, когда выпал такой счастливый случай, не воспользовался им. В Одессе снимался фильм с участием Наташи, и только что приехавшая съемочная группа поселилась в гостинице «Театральная», куда я принёс чертежи для курсовых проектов заочникам с моего факультета. Борзой киношник успел «положить глаз» на одну из моих знакомых и предложил мне бартер: я его знакомлю с ней, а он меня — с Натальей. Я удивился: «Разве это возможно?» — «Конечно. Она одна сейчас скучает». Сердце моё подпрыгнуло до потолка, и я отказался. Его удивление зашкалило, но я объяснил просто: «Хочу, чтобы она осталась пленницей моей мечты, сказочным виденьем бывшей флотской жизни». Мы пошли вниз, в ресторан, где за рюмкой чая или стопкой кофе, не помню, он выслушал историю из моей недавней жизни военмора.

Мой одноклассник и друг Юрка служил штурманским электриком на атомной субмарине, и после облучения заболел лимфогранулематозом. Из письма его девчонки я узнал, что он в госпитале. Я решил узнать об этой болезни у своей тёти, врача-гематолога из Военно-Медицинской Академии. Она грустно покачала головой: «Не жалец. Сколько мы их похоронили, молодых, красивых. У многих был такой диагноз». Так и случилось. Тетка тогда еще порадовалась, что я в механики-дизелисты пошел и на атомную не попаду. Да, в молодости была привычка лезть в пекло, но скоро я понял, что длительная автономка не для меня, а атомная лодка — кратчайший путь к могиле, что мы для политиков и высокого начальства мусор, который не жалеют. Будущее показало, что сбылись самые худшие мои опасения, насмотрелся и наслушался я такого! Чего стоит, например, факт гибели десятков наших ребят при перевозке их на Кубу в необорудованных трюмах грузовых судов во время Карибского кризиса. Не привыкшие к тропической жаре, они просто умирали: для соблюдения режима секретности выход на палубу разрешался только ночью. Об этом я узнал от непосредственного участника тех событий.

Наша лодка готовилась к постановке на ремонт в док и последующей переброске на Северный флот. Я был курсантом, дублером старшины команды мотористов. Команда уже начала потихоньку готовить лодку к ремонту, хотя приказа о выведении нас из кампании еще не было. Время поджимало, ибо лодка в плавдоке должна быть отбуксирована по рекам до ледостава, и к началу буксировки ремонт должен быть закончен. Впрочем, как у нас шутили, «каждый приказ — предпоследний». Вместо постановки в док мы пошли испытывать новый гидроакустический прибор, привезенный изобретателем, молодой, очень красивой женщиной. Поселили ее в каюту замполита. Крутились мы вдоль наших берегов неделю. Командир, сам страшный матерщинник, построив команду, предупредил, что, пока Она на борту, никакого мата не должно быть. И показал внушительный волосатый кулак. Курсировали в паре с другой лодкой, потом подключился противолодочный корабль. Особенности устройства гальюна у нас не позволяют комфортно отуалечиваться женщине внутри прочного корпуса и ей предоставляли эту возможность в наружном гальюне, в рубке. Понятно, что это возможно только при плавании в надводном положении. Свободным от вахты разрешали покурить наверху по три человека, не более. Чтобы не пререкаться с курцами, командир или вахтенный офицер включал зуммер «срочное погружение». Курящих как ветром сдувало вниз. Ведь никто не знает, учебная это команда или нет. Кто замешкается, пойдет крабов кормить. Изобретательша, поначалу розовая от смущения, поднималась в рубку и шла в туалет, в смысле, в гальюн. Ну, какая тут дисциплина, если такая баба на борту? От одного имени дурели — Оксана! Командир, собиравшийся на пенсию, по-отечески ее опекал, но ходил хмурый: «Не к добру это». Он видел затума-

ненные глаза подчиненных и в душе молил Бога, чтобы красавица скорее покинула его лодку. Наконец, подошел сторожевик забрать Оксану: испытания закончились. Она тепло попрощалась с высыпавшей наверх командой, чмокнула командира в щёку, и через минуту мы видели лишь белую руку, махавшую нам с кормы корабля, взревшего своими моторами. Вот исчезла из вида и она. Командир наш потерял руки, откашлялся: «Так, раз уж все вы здесь...» Матерился он четверть часа, не меньше. Накипело! Но выдохся и он, хотя моряки, улыбаясь, поглядывая друг на друга — «во даёт!», хотели бы послушать ещё. Такой витиеватый мат — искусство. Закончив многоэтажное строение, наш кап-два шумно выдохнул, резко махнул правой рукой и скомандовал: «По местам!» Все, как горох, посыпались вниз. Командира моряки уважали.

В соответствии с новым приказом мы, вместо постановки в док, пошли на ученья. Очень уж напряжённая была международная обстановка.

Есть на лодке устройство РДП — «работа дизеля под водой», по-немецки — «шноркель». Это труба диаметром с телеграфный столб. С этакой бандурой наверху, поплавковым клапаном, закрывающим входное отверстие при погружении в воду. РДП позволяет лодке идти под дизелями на перископной глубине. При запланированном погружении сначала останавливают дизеля, закрывают выхлопные захлопки, затем захлопки воздуховода, потом погружаются. При внезапном погружении, например, угрозе атаки или столкновения, поплавков перекрывает воздуховод, создаётся резко разрежение в отсеке, автоматика останавливает дизель и закрывает все захлопки. На случай отказа автоматики под выхлопными захлопками сидят в пятом отсеке мотористы с метровым ключом-розмахом, готовые закрыть их вручную. Но если вода под давлением уже хлынула в отсек, то закрыть их невозможно. В смысле безопасности это самое слабое место на лодке. Техника отказывает, и аварии нередки. Вот и мы попали в переделку: хлебнули водички и с затопленным пятым отсеком легли на грунт на глубине сорока пяти метров. Из отсека успели выскочить все. Двери задраили, задрайки хорошо обжали. Я в это время был в седьмом отсеке — моя вахта через час, а отдыхать лучше там, где прохладнее и тише. Концевой отсек — спасательный. Там над крышкой люка закреплён аварийный буй. Отдали его, он всплыл на поверхность. В отсеке собрались электрики, торпедисты, мотористы и трюмный машинист. Офицеров и сверхсрочников не было. Командиром отсека был старшина первой статьи срочной службы. Никакой паники, аварийное освещение работало. Начали всплытие через торпедный аппарат. Сбрасывали робы, надевали свои суконные форменки и брюки, шерстяные свитера, влезали в гидрокombineзоны, надевали аппараты ИДА-59. Залезали по трое в трубу торпедного аппарата, задняя крышка закрывалась, выравнивалось давление с забортным, открывалась передняя крышка. Первый всплывающий прикрепил к лёгкому корпусу лодки буйреп буй-выюшки. Это всплывающая катушка. На ней верёвка с маленькими и большими узлами. Узлы отмечали глубину и обозначали время ожидания на ней. Таблицу декомпрессии все знали наизусть. Воздуха в баллонах высокого давления достаточно, причём большая часть его закачана в баллоны электрокомпрессором. Наш дизель-компрессор ДК-2 давно своё отработал и ломался если не через день, то каждый день. Воздух, им закачанный в баллоны, имел запах гари. Он лишь условно пригоден для дыхания. Глубина, на которой мы лежали, не была опасной, и воздушной смеси в дыхательных аппаратах должно хватить для безопасного, медленного всплытия. Рядом свои корабли: увидев плавающие оранжевые «ромашки» вокруг аварийных буюв, спустят шлюпки и подберут подводников. Погода хорошая, дневное время. На поверхности нельзя от своих отрываться — одиночек в море трудно найти. А так, наполнил из пальчикового баллончика на боку внутренние полости гидрокombineзона, и качайся, как мяч, на волнах, привязавшись к аварийному бую. Командир отсека, когда мы остались вдвоём, приказал мне надевать его спасательное снаряжение, уяснив, что на меня гидрокombineзона и аппарата не хватило. Он был очень серьёзен и даже торжественен. Это было его первое боевое крещение. Я отказался.

У меня гайморит, нос не продувается. Ты вспомни, как в учебке в водолазной башне таких не допускали к всплытию! Ведь там всего тринадцать метров был столб воды. Мало того, что я могу оглохнуть от разрыва барабанных перепонок, так в трубе торпедного аппарата могу с ума сойти от боли, когда начнёшь выравнивать давление с забортным. Всплывай сам, не волнуйся за меня. Всё сделаю, как надо. Ни к чему здесь лишний рот, сам понимаешь. Одевайся, пока напишу записку, что отказываюсь от всплытия, чтобы снять с тебя ответственность.

После короткого раздумья старшина кивнул головой и начал облачаться. Робу свою он пожалел бросить и надел её поверх форменки. Мою записку прочитал, завернул несколько раз в пластиковый пакет и сунул в карман робы, где на белой ленте были цифры его боевого номера. Я помог завязать жгутом резины переднюю часть комбинезона: именно через эту горловину влезают в ГК-2. Надел на шею дыхательный мешок спасательного аппарата. Он включился в аппарат, открыв баллон с дыхательной смесью. Мы обнялись, и он полез в трубу торпедного аппарата. Закрыв заднюю крышку и выровняв давление, я открыл переднюю крышку аппарата. Прощальный стук и всё стихло.

Совсем один. Росший с детства отщепенцем, болезненно чувствовавший себя в толпе — наконец-то я досыта нахлебаюсь одиночества. Комок в горле появился и исчез. Нет, плакать не буду. Тем более что главным мотивом моего поступка был не страх оглохнуть, а желание испытать себя. Я решился на это, лишь убедившись в поддержке своего ангела-хранителя, внутреннего голоса.

Попробую спастись. В принципе, если поднять давление в отсеке до забортного, можно открыть торпедный аппарат и затопить отсек до верха трубы аппарата. Блокировка на нем не работала. При её исправности крышки торпедного аппарата могут работать только в режиме: если одна открыта, то другая не откроется. Этого требует безопасность. Видимо, торпедисты поторопились с демонтажем, считая, что идут в ремонт.

Я начал поднимать давление в отсеке, открыв воздушный вентиль. Туман, сырость, запах дизельного выхлопа и боль в ушах. Закрыв вентиль, пусть уши привыкнут. Ничего, дышать можно, но голова разболится. Лучше очистить воздух аппаратом регенерации. Открыл банку с пластинами перекиси натрия и вставил четыре пластины в пазы аппарата регенерации воздуха. Человеку одной банки хватает на двое суток. Реакция поглощения углекислого газа и выделения кислорода идёт с выделением тепла, поэтому над аппаратом можно даже руки греть. Банок много, пищи хватает, питьевой воды тоже. Всё зависело от герметичности переборки между шестым и седьмым отсеками. Дверь слабовата, наверняка резина жёсткая и изношенная. Подпор давления воздуха в шестом отсеке пока сдерживает поступление воды, но просачивание всё равно идёт. Кроме того, загерметизированная аккумуляторная яма тоже подтопляется потихоньку. Дойдёт вода до контактов и клемм — аварийное освещение погаснет.

Чем дольше я рассуждал и вдавался в технические детали возможности спасения, настроение моё тем больше ухудшалось. И тут я вспомнил, что вчера в седьмом отсеке крутили знаменитую «Кавказскую пленницу». Это был единственный фильм на борту. Торпедисты приволокли в отсек преобразователь переменного тока, работавший от низковольтной аварийной сети освещения. Старенькая «Украина» исправно поднимала настроение, отвлекая от печальных мыслей. На таких же проекторах работали сельские киномеханики, даря счастливые минуты колхозникам. Я вспомнил бабу Марию, у которой гостил каждое лето, деревню со странным названием Пустынь, где жила Люба — тайный предмет обожания. Возвращаясь в город, я её почти забывал до следующего лета: в городе страсти были покруче. Люба мечтала уехать в Ленинград и разбивала мечты своим поклонникам, которых было немало в округе. Ночью, после просмотра фильма и посиделок в кругу сверстников, мы возвращались в свою Пустынь веселой ватагой, окружив Любку, чувствовавшую себя королевой. Как приятно было идти сзади чуть сбоку от неё, поглядывая на едва угадывающийся в темноте очаровательный профиль, слышать её голос. Мы провожали девчонок до дома, а сами, возбуждённые, ещё долго

шарахались по деревне в поисках приключений, мешая спать уставшим колхозникам, которых в шесть часов утра разбудит бригадир, стуча своей деревяшкой-протезом. Фильм закончился, и оборвались воспоминания детства.

Возвращаюсь мыслями к суровой действительности. Без аппарата всплыть можно, погибнув от баротравмы легких и кессонной болезни. Глубина не ахти, но длительное пребывание на ней под давлением опасно при всплытии. Слишком много азота растворяется в крови, резкое всплытие вызывает закупорку сосудов пузырьками газа. Особо опасно для глаз и мозга. Адские муки! Нужно сделать дыхательный аппарат, чтобы выдержать получасовое всплытие. Надеюсь на чудо, стал перерывать ящики, сундуки и стальные шкафы в поисках хотя бы деталей аппарата: баллончиков, дыхательного мешка. Чуда не произошло. Устав от поисков, лёг и мгновенно уснул. Что-то начало будить меня: отчаянно пытаюсь проснуться, я застонал. В то мгновение пробуждения в ушах, в слуховой памяти остались стон и какой-то стук. Ухо жадно ловило посторонние шумы. Тишина. И всё же на уровне подсознания что-то осталось: ведь во сне оно командует, когда сознание отключено. Непонятно что, но точка беспокойства сохранилась.

Повезло, что не попали в толстый слой ила, и ребята смогли всплыть, что блокировка не работает, и у меня есть малюсенькая надежда на спасение. Я неплохо для новичка знал устройство лодки, что касалось электромеханической части, но тонкости устройства торпедного аппарата были неведомы мне. Если бы старшина перед всплытием не произнёс значительно и с особым смыслом: «Блокировка на аппарате не работает», я бы и не думал о самостоятельном спасении, а спокойно ждал спасательного колокола. Резиновой «гармошки» в нижней части аварийного люка, позволяющей всплывать через него с частичным затоплением отсека, у нас не было. Не в моём характере пассивно ждать. Надо заставить себя думать. «Ведь хвастал же перед друзьями, что могу додуматься до чего угодно. Вот и думай, морщи лобик».

В принципе, можно сделать из воздухонепроницаемого мешка нечто подобное водолазному колоколу и в нём всплыть. Перерывая ящики торпедистов и трюмных, обнаружил всякие заначки, но, кроме инструментов, для себя ничего нужного не попалось. Впрочем, брезентовые мешки имелись. Один отлично подходил для изготовления «колокольчика», как я его сразу окрестил. Брезент, набухший в воде, становился водонепроницаемым. Будет ли он держать воздух? Нужно его усилить, вставив внутрь полиэтиленовый мешок чуть больший по размеру, а цилиндрическую форму и жесткость придаст проволоочная спираль. По периметру входного отверстия сделать проволоочные крючки для крепления грузов, уравнивающих плавучесть. Железок в отсеке полно, проблема подобрать одинаковые. Как заполнить «колокольчик» воздухом? Нужен резиновый рукав длиной от воздушного патрубка до выхода из торпедного аппарата, то есть более 10 метров. Иначе придётся таскать воздух в собственных лёгких.

Опять просмотрел фильм. Если бы в детстве мне сказали, что буду сам себе крутить кино, я бы сам себе и позавидовал: «Эх, счастливчик». Если дождусь спасателей, фильм возьму с собой, не брошу здесь. Открыл банку галет, поел, запил водой и как провалился в сон. Видимо, во сне мозг работал, решая проблему спасения: по крайней мере, в момент пробуждения я как раз об этом думал. Проверил метку уровня воды. Её прибавилось на дюйм. Открыл воздушный вентиль, с минуту подождал, закрыл. Заложило уши, но они легко продулись. Гайморит, видно с испуга, исчез. Открыл новую банку с пластинами регенерации: воздух в отсеке явно требовалось очистить. Вставала проблема просачивания воды в отсек, и её тоже нужно решать. Если поднимать давление воздуха в отсеке, а здоровье теперь позволяло, то появится опасность отравления угарным газом: я же не знаю, какая его концентрация сейчас. Подышишь-подышишь, а потом брык — без сознания. Гемоглобин крови под воздействием окиси углерода теряет свои свойства переноса кислорода из лёгких к тканям, и первым реагирует на голодание мозг. Свежего воздуха и скорой помощи здесь нет. Если упал, уже не встать.

При переходе из отсека в отсек дверь за собой закрываешь, где бы лодка ни находилась: в море, у причала на базе, на ремонте и т. д. Так вырабатывается автоматизм у подводников, спасающий лодку и людей в аварийных ситуациях. Дизельная ракетная лодка, на которой я проходил практику в Лиепае в 1967 году, затонула в сухом доке, куда её поставили на ремонт. Осенью разразился жестокий шторм, сорвало ворота дока. Гребные валы были сняты, отверстия не заглушены, двери между отсеками открыты. Двое вахтенных успели по мосткам свинтить на берег, а лодка осталась на дне дока. Собирались её в какую-то арабскую страну продавать, да пришлось снова ремонтировать: все электромоторы, генераторы и многое из электрооборудования в морской воде приходит в негодность. Нужно снимать и промывать пресной, потом дистиллированной водой, сушить, замерять сопротивление обмоток. Мне об этой аварии рассказал наш офицер из экипажа. Мы случайно с ним встретились на Невском проспекте. При пожаре, если двери задраены, есть шансы спастись. Есть ещё смертельная опасность попасть в созданный работающими дизелями вакуум, если не сработает автоматика. Был такой случай, когда после прекращения подачи топлива двигатель продолжал работать на распыленном масле из трубопровода системы гидравлики. Трубка лопнула в районе воздухозаборника дизеля, и горячее масло под давлением сто двадцать атмосфер превратилось в топливо. Мало того, дизель вразнос пошёл.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.